

18+

КОСТЯЕВ ЕВГЕНИЙ

18+

ЧИСТЫЕ САТАНИНКИ

Осторожно русский МАТ

Евгений Костяев
Чистые Сатанинки

«Издательские решения»

Костяев Е. А.

Чистые Сатанинки / Е. А. Костяев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624941-7

Думаете вас уже не чем не удивить? Ошибаетесь... Такого Вы ещё не читали! Только у нас! Море наичернейшего юмора и крутейшие сюжетные повороты, сногшибательный экшен-трэш с нотками трагикомедии! Порадуй себя и близких, ведь это незабываемое чтиво! Строго 18+ Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-624941-7

© Костяев Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Осень	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Чистые Сатанинки

Евгений Анатольевич Костяев

Редактор Гурина Марина

© Евгений Анатольевич Костяев, 2024

ISBN 978-5-0062-4941-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Свет или тьма? Добро или зло? Ответ очевиден. Скучно. Заезжено. Примитивно. Но попробуйте выбрать между чёрным и чёрным, опираясь лишь на ваши личные убеждения. Не спешите с ответом. Лучше понаблюдайте за героями нашей книги!

Такого Вы ещё не читали! Только у нас! Море наичернейшего юмора и крутейшие сюжетные повороты, сногшибательный Экшен-Трэш! Деревенский Хардкор с нотками трагикомедии! Это нельзя пропустить! Ведь малый тираж и эксклюзивность делают эту книгу настоящим артефактом.

Вы не пожалеете о том, что прочли её, и очень расстроитесь спустя время, когда её не будет в вашей коллекции редких мифических книг. Строго 18+

Все персонажи вымышлены, любое сходство всего лишь совпадение. В каждом обществе, в любом населенном пункте есть подобные личности. Все образы собирательные, гротескные. Автор ни в коем случае не хотел никого унижить или превознести.

Главный и единственный редактор книги – Марина Гурина.

Чистые Сатанинки

**Порой зло надевает маску добра,
Совершая для злых хорошие дела.
Костяев Е. А.**

Осень

Это опять произошло! И в этот раз по-настоящему, почти по-трезвому. За свои шестьдесят пять дед Прохор попил столько сивушного спирта и прочей рванины, что тройной одеколон был словно пятизвёздочный коньяк, а количеством выпитого можно было рыцарей на Чудском озере топить. Ему не раз приходилось сталкиваться с рогатыми тварями из параллельных миров, или откуда они там вылезали. Но случалось всё это лишь во время белой горячки. Озорные черти и прочие дети преисподней являлись и пугали его до усёру и потери сознания. Они лазали по крышам и деревьям, выскакивали из-под кровати и печи. Эти рогомордые красноглазые выродки корчили жуткие рожи и задирали кверху хвосты. Гадили на пороге и в кровати, метили территорию вонючей чёрной мочой. Спросонья и ужасного бодуна шептали на ухо непристойные гадости и громко стучали копытами. Но всё это были лишь безобидные шалости, а вот сегодня они в край оборзели.

Шли годы, и со временем они стали привычными гостями в его ветхой, смрадной избушке. Смирился он с этим, свыкся. Да и чёртики уже не были ему страшны, а скорее стали смешны. И порой досадно уходили, обиженные тем, что Прохор уже не обращал внимания на их выходки. Но сегодня перемирию пришёл конец. Они перешли запретную черту. А именно, черту огородной загородки.

Дело в том, что Прохор, единственный раз за свою никчёмную жизнь, засадил свой небольшой огород культурными растениями. И вот пришла пора собирать урожай и пожинать спелые плоды своих трудов. Но эти мохнатые пучеглазые мародёры, будь они трижды прокляты, залезли на грядки и принялись топтать своими копытами огурцы и помидоры. Стали пожирать вилки капусты своими слюнявыми клыкастыми ртами и нагло чавкали, при этом «бекая» что-то на своём непонятном языке.

– Значит, война, – подумал дед, выглядывая из своего окна. – Ну ничего, я вас мигом научу ценить чужой труд! У меня как раз есть кое-что для вас.

Защитник огородных грядок вбежал в деревянный покосившийся сарай и разрыл в куче почерневшего сена ржавый, но все же рабочий пулемёт Максим. Это чудо-оружие досталось ему от отца, закоренелого партизана второй мировой войны. Этот родовой пулемёт дед любил и ценил больше жизни.

– Ну, держитесь, – прошептал он, выкатывая дур-машину во двор.

Прицеливаться из него особо не надо, поэтому пулемётчик, закатав рукава и плюнув на землю, недолго думая, начал поливать свинцовым градом свой огород, по которому скакали наглые оборзевшие черти.

– Тра-та-та-та-та! – загремело оружие возмездия.

– На-а-а! – заорал дед Прохор, заходясь в диком истерическом смехе. – На-тя! Жри-тя!! Подавитесь!!! Капустки захотели?! А-а-а!

Грохот стоял такой, что уши закладывало, а пустые ржавые гильзы летели в разные стороны. Нечисть в панике, побросав вилки капусты, на четвереньках носилась по огороду, пытаясь выбраться из загородки. Но в этом беспощадном пулемётном аду выжить было нереально, невозможно, бесполезно. Пули разрывали погазные тела, отрывая части и конечности. Рога и копыта разлетались по всему огороду, наматывались кишки на гнилые столбы. Всё становилось похожим на мясо-овощной салат. Жидкая кровавая каша расплылась по грядкам, удобряя почву ужасным антигуманным удобрением.

Но вдруг лента закончилась, и всё затихло. Пороховой дым стал рассеиваться вместе с алкогольным опьянением. Уши заложило, будто пробки забились, а руки тряслись от вибрации как с лютого бодуна. Слух вернулся быстро. И очень жаль: кто-то визжал похлещи резаного поросёнка. В истошном надрывном крике, он узнал голос односельчанки. Баба Зина с безумными глазами неслась к нему навстречу со скоростью света, размахивая кривым бадиком.

– Прохор! Пьянь ты непроссатая! Ты чего наделал, Анчихрест?

Прохор встал с колен, протёр грязными руками глаза, и что же он там увидел? Горы разорванного мяса, кишки, рога и копыта. Кровь ручьями текла по грядкам, словно ржавая дождевая вода. Два десятка расстрелянных в клочья соседских баранов лежали на его огороде в пересмешку с землёй и овощами. Бедные невинные животные были уничтожены безжалостным пулемётным огнём.

В это время за сотню километров.

Огромная пустая фура ехала из города по разбитой забытой дороге. За рулём был профессиональный водила Виталик-Педалик, который невозмутимо вёл машину, в то время как его босс и начальник драл подобранную на трассе путану. Этот криминальный бандюган и продуманный бизнесмен Григорий Анатольевич, которого не зря все звали Григорий Адольфович, всё делал жёстко и брутально. Вот и сейчас нагнутая раком дорожная блудница визжала как бешеная макака, то ли от удовольствия, то ли от того, что долбилась головой о металлическую стену, которая казалась проломится в любую секунду. Этот блатной и очень влиятельный бандит двадцатого века был настолько крут, что ему мог позавидовать сам Иосиф Виссарионович. Кошки и собаки ссались и расплозились по щелям, старухи крестились и разбегались по домам, ДПСники, проезжая, прятались за рулём, а участковый притворился недотёпой и дурачком.

Дикие крики затихли, и Педалик прикрыл курткой дикий стояк в штанах. Раздвигая шторы и протискиваясь в проход, появилась необъятная фигура его босса с сигаретой в золотых зубах.

– А куда мы едем? – наивно спросил водила, будто ничего не слышал, ничего не видел и не знает, куда он едет.

– В Чистые Самаилки, – подтягивая штаны, пробасил Адольфович. – Говоря русским мать его языком, в Чистые Сатанинки.

– А что там?

– Там жопа полная, – затягиваясь сигаретой, улыбнулся Григорий. – Вряд-ли где-то ещё найдётся такое место, мать его трижды за щеку. Такое забытое и ненужное. Это не деревня, это целое отдельное государство, в натуре тюрьма в тюрьме. Ведь деревня Чистые Сатанинки, самая поганая дыра из всех поганных дыр. Там, среди бесконечных лесов и зловонных болот, проживает без малого 30 человек, если их конечно людьми их вообще назвать можно. А до ближайшего населённого пункта добрых девяносто километров. И ничего удивительно в этом нет, ведь это поселение ни что иное, как выселки. Это место было построено с целью свести всех уродов и аморалов, преступников и головорезов в одну большую помойную кучу, подальше от нормальных людей. И теперь дети и внуки этих безрогих козлов и бесхозных половых дыр живут в этих местах. Делать там, мягко говоря, нехуя. Развлечений никаких, перспектив никаких и все, кто там живёт, обречены на никчёмную никому не нуж-

ную жизнь. А так как детей здесь уже никто не рождает, село обречено на полное исчезновение и всеобщее забвение.

– Да так вся Россия живёт, – услышав интересный разговор, кинула свои пять копеек путана, вытирая влажными салфетками что-то липкое со своей шеи.

– Криминалов как таковых тут тоже нет, – продолжил блатным надменным голосом Адольфович. – Да если и случается что-то, то дела никому до этого нет. Мол, пусть живут, как хотят, и варятся в своём дерьме, лишь бы нас не трогали. Пусть хоть все передохнут, никому хуже от этого не станет и скорбеть никто по ним не будет.

Лишь пару раз сюда приезжали артисты в погонах из города. Первый раз – когда в селе завёлся маньяк, который перерезал почти половину населения, сократив численность с 49 до 30 человек. Второй, когда из местной свинофермы начали пропадать хрюшки, копать их жидкий навоз, внатуру.

Вот и все достопримечательности этой вонючей проклятой деревни. Хотя нет, вру, жил в этом селе ветеран второй мировой войны. Знатный партизан был, да вот только имени его уже никто не вспомнит. Зато его сына Прохора знают все, – бычкуя сигарету, хитро улыбнулся предприниматель, смотря, как за окном мелькают жёлтые деревья.

Природа просыпалась. Раннее утро, начинало светать. Прохор очнулся на старом кладбище от ужасного сушняка во рту, всё слиплось, будто клея вдоволь налакался.

– Вот так нажрался! – подумал он, протирая глаза грязными руками. – Ну и погодка, никак бараньи боги оплакивают расстрелянных мною баранов.

Дед Прохор начал подниматься из дождевой лужи, вспоминая, что было.

Да что было!? Перестрелял стадо соседских овец, баран старый, и теперь за мной охотился участковый шизофреник, который из-под земли достанет. Пришлось прятаться здесь на сельском кладбище, вместе с пулемётом, который еле докатил. Но бросить его там он не мог, в этот раз точно отберут. Да вот только хрен им всем, пусть лучше душу из груди раскалёнными пассатижами вынут, чем его отцовский подарок отберут.

Похмелье выворачивало наизнанку. Ведь после вчерашней стрельбы Прохор с отчаянья выжрал полбочки наипоганейшей браги, и теперь за всё это страдал адскими мучениями. Нужно было идти к бабке Клаше. Она гнала первоклассный самогон и угощала всех, кто прочищал её древние волосатые трубы. Старая развратная бабушка – единственный шанс похмелиться и не сдохнуть в этом лесу.

Выходя на кривую тропинку, его прорвала чудовищная рвота. Фонтан омерзительной браги вперемешку с желудочным соком вырвался наружу, будто пламя из пасти дракона. Казалось, он сейчас выплюнет свой трясущийся ливер и все внутренности в дождевую лужу.

– Ох уж этот сраный бодун. Да лучше всё же один раз сдохнуть, чем так мучиться, чем так подыхать каждую минуту, – подумал Прохор, высмаркивая из носа остатки непереваренного сала и непрожёванного хлеба.

– Ну и что тут такого? – его совесть пыталась обмануть сама себя. – Ну и перестрелял стадо овец. И что дальше? Что? Я ж ведь не нарочно это сделал! Их так и так всех убивать пришлось бы. Вообще-то для этого их и кормят, что б затем съесть.

Прохор призадумался.

Да и любую тварь божью, вот любую, какую не возьми. Вся она нужна лишь до поры до времени. Взять, к примеру, курицу – наипулейшее создание, зато яйца несёт. Зачем ей ум? Её кормят, поят, а как постареет, как яйца перестанет нести, так что? Топором по шее и в щи, хоть ноги в них полощи. Выполнила своё и отправилась в куриную преисподнею.

Вот и люди такие же. Такое же творение Божье, хотя нет, не творение – это вовсе, а просто тварь. Тварь такая же, как курица – тупая и нужная лишь до поры до времени. А как перестанет свои земные яйца нести, так и в щи – хоть жопу ими полощи. И душа отправляется куда? Правильно, в куриную преисподнею.

Проход задумался пуще прежнего, но безжалостный бодун душил и мешал философствовать. Мысли путались, голова кружилась, но всё же сопротивлялась.

– Ну да ничего! Не подохну, не на того напали! Рано мне ещё подышать! Я вам не курица. Я ещё пользу людям принесу, не зря же я на свет Божий появился. И пусть я лишь марионетка в Его руках, но роль свою исполню на совесть. Там Ему видней, как и каким боком меня повернуть. Ему-то, с его высокой колокольни, во стократ видней, что для меня лучше.

Сдавливая больную шальную голову, он, шатаясь, зашагал в сторону села. Но не один он был в этом осеннем холодном лесу. В болоте, что по соседству, таилось что-то невиданное, что-то непонятное. И густой туман покрывал эту тайну, которая вскоре вылезет на поверхность и изменит всё.

Полуразвалившиеся здания бывшего колхоза одиноко стояли на лесном отшибе близ сельского кладбища. Теперь здесь была частная ферма свиновода Сергея Тимофеевича, которого в простонародии звали Тимошка. Вонь здесь стояла сногшибательная, мухи, словно роящиеся пчёлы, летали с одной кучи дерьма на другую. Аммиачный аромат мочи благоухал за пару сот метров и казалось, что не один человек не мог здесь работать. Но это было не так.

Заунывно выл ветер в щелях фермы. Крыша подтекала, так что порой обитателей не приходилось поить. В обшарпанных загонах росли довольные поросятки, которые ещё не догадывались, что их ждёт. Сейчас они просто ели и спали, валяясь в собственном говне, и радостно взвизгивали от беспечной жизни.

Витя Тэ 40, так звали здешнего тракториста, отправился в далёкий рейс на другой конец села по указанию своего начальника Сергея Тимофеевича. Велено было обменять две свиные головы и семь копыт на хоть какое-нибудь количество самогона. Задание ответственное, но Тэ 40 чётко знал своё дело и не раз возвращался с задания не с пустыми руками, целым и невредимым.

А пока их товарищ был в далёком рейсе, Тимошка вместе со своим закадычным другом Колей Шариком приступили к выполнению своих прямых обязанностей.

– Ох уж и тяжёлая это работа.

– Это точно, надо ведь сдержанным быть, чтоб к обеду не нажраться, – наливая свекольный самогон в гранёный стакан, согласился Колька.

– Это даже не работа. Это искусство правильно и грамотно похмелиться, ведь похмелье практически всегда плавно переходит во вторую пьянку. Но нам, друг мой, нужно сегодня быть достойными и чрезмерно бдительными. Бизнес требует предельной внимательности.

Коля Шарик одобрительно кивнул. Он всегда ему поддакивал, всегда. И когда своих же свиней они тырили, чтоб страховку отбить, и когда зерно колхозное в далё-

кие годы воровали и продавали. И даже когда пришлось две ходки за решётку сделать, всё равно продолжал поддакивать и соглашаться. Ни разу он не сдал своего начальника, поэтому и прозвали его Шариком, в честь непородистой дворовой собаки. Как верный любящий пёс он лизал жопу своему незаурядному боссу.

Ну а Тимошка был лишь идейным предводителем в их маленьком игрушечном криминальном мире. А что ему оставалось делать, если ни ростом, ни силой он не вышел. Да и умом явно не блистал, Тимошка он и есть Тимошка.

– Детина опять опаздывает, – смотря на настенные часы, булькнул Шарик, – небось, опять с гусями по дороге разговаривает.

Парень, про которого они говорили, был местный дурачок по прозвищу Детина. Прозвали его так, конечно же, не зря, ведь при росте в два метра, обладая медвежьей силой, он являлся владельцем самого маленького мозга во всей округе. Но несмотря на это работник был отменный. До него на свиноферме работали ещё три человека, однако Тимошка изо всех сил напруг извилины и уволил их всех, наняв безотказного Детину. И должен признаться, это был очень умный коммерческий ход, так как он один работал за троих и не жаловался на всякие мелочи типа задержки зарплаты на пару месяцев. На сэкономленные деньги хитрый и подлый свиновод пригнал из города почти не гнилую машину Копейку. Но радовался он ей не долго, так как на третий день её сожгли те, кого он уволил.

Где-то в дальнем конце фермы послышались шаги. Наверное это Детина спешит, радуясь тому, что за ночь свиньи опять наделали большие жидкие лепёшки, которые он так любил убирать.

– А ты знаешь о чём сейчас люди говорят? – морщась от выпитого и занюхивая коркой хлеба, усмехнулся Тимошка.

– Нет, – честно признался собутыльник.

– Что, правда не слышал? – довольно удивился Тимошка, – Вася Прицел летающую тарелку сбил! – он выдержал паузу и после нетерпеливого молчания продолжил. – Представляешь! Был он на охоте и увидел, что куница на дереве сидит. Он дуло вскинул и дуплетом бам!! А в это время тарелка НЛО мимо пролетала! Бам! Вот он её и подстрелил!

Шарик застыл со стаканом, поднесённым ко рту.

– И она в болото как хренась! – размахивая руками, продолжил тот, – Быдышь! Брызги во все стороны! Трясина по всем берегам!

Шарик никак не мог от изумления опрокинуть в себя стакан.

– Прикинь! – успокоившись, выдохнул рассказчик, – Прикинь во что люди верят? Бред сумасшедшего! Этот Вася с двух метров в слона из своей ржавой пукалки не попадёт.

Шарик опрокинул стакан и, стукнув кулачком по столу, смело заявил: – Да пусть у меня хоть член собачий на лбу вырастет, но инопланетян не существует!

На дне Болота под слоем многотонной трясины лежал межгалактический летательный аппарат в виде огромной тарелки. Его пассажиры, выходцы из других инопланетных республик, приходили в себя после хаотичного падения в местную необъятную топь, которую за свою глубину не зря прозвали Бездонной.

– Все приборы выведены из строя! —прозвучал в динамике электронный голос на непонятном нам языке.

– Что?

– Пиздец, говорю, всему летательному оборудованию! – заорал голос бортового компьютера, как живой, – Всё выведено из строя. Дальнейший полёт невозможен.

Участковый Адуванчиков искал опасного психа и баранобийцу Прохора. Это, конечно, не поиск маньяка, который вырезал полсела, сократив численность населения почти вдвое, но всё равно дело ответственное. В свои тридцать два доблестный участковый раскрыл не один десяток преступлений и был настоящим, чистым блюстителем закона. Среди раскрытых дел и поимка беглых коров, и отстрел бешеных собак, и пропажа велосипедного колеса, да и ещё куча добрых дел.

– Ох, уж этот дедушка Прохор, – думал он. – Хороший милый старичок, но по пьяни такое может наворотить! В уме не укладывается, на кой чёрт ему эти бараны сдались, баранья его голова! Зачем их было стрелять-то!? Ну забрались на твой огород, ну пожрали весь урожай, натоптали и нагадили на участке, обоссали землюшку и ограбили посевы. Что ж нам теперь всех татаров, всех монголов из пулемёта расстрелять?! Что ж теперь по пьяни ракетами их до смерти забить?

По пьяни то всё у них просто, всё складно получается. И солнце светит в холодном нетопленном доме, и птички в душе поют, и бабочки порхают. Да вот только не бабочки это вовсе, а крылатые бесы с распоротыми животами и козлиными рогами, которые в загул тебя зовут, на пир свой безумный призывают. На ухо мыслишки гениальные шепчут, которые по трезвому и слушать невозможно. Зато по пьяни прекрасны они и чисты, идеальны и гениальны. А на утро что? Жестокая похмельная реальность, наполненная новыми нерешёнными проблемами.

Адуванчиков, как вы уже поняли, был не сторонником алкогольных дел, и на то была очень весомая и родословная причина. Его покойный отец был редкостный пропоец и аморал, который прожил свою никчёмную жизнь в алкогольном беспамятстве и не сделал ни одного доброго дела. Ладно доброго не делать, это дело личное, ведь не совершая ничего плохого, ты уже делаешь добро. Но этот говнодел столько всем проблем подложил, что ни одна живая душа про него слова доброго не скажет.

Поэтому Адуванчиков и стал одуванчиком. Не хотел он быть хоть на один алкогольный грамм похожим на своего пропащего отца. Никак не хотел уподобиться той низости и той гадости. У него был свой путь, путь трезвости и здравомыслия.

Именно поэтому он знал, где искать этого безнадёжного старика Прохора. Он устроил засаду у дома «Самогонной Царицы» бабы Клаши. Но не успел он подойти к её дому, как услышал страшные неистовые крики.

– Никак маньяк опять вернулся и взялся за старые кровавые делишки?

Крики смешались с безумным рёвом какого-то дикого зверя, лютого и разъярённого. От этих звуков мурашки побежали по коже, а дрожащие руки потянулись в кобуру, за пистолетом.

Не теряя времени, добрый молодец одним чётким ударом выбил гнилую дверь с петель и застыл в изумлении.

Вместо ужасного дикого зверя бабку Клашу драл дед Прохор! Задрав дряблую ногу себе на плечо, он с чудовищным рёвом имел старую развратницу и пил из горла мутный самогон.

Все застыли от неожиданности. Неловкая ситуация застала всех врасплох. Время остановилось и повисло в воздухе. И также неожиданно визг старухи прорезал тишину.

– А-а-а!!! – завизжала она во всё горло – Насилуют! Помогите-и-тя-я-я-!!!

Участковый ринулся на помощь и скинул Прохора с отвратного тела семидесятилетней блудницы.

Но Прохор, словно помойный кот, проскочил ему между ног, и, подтягивая рваные штаны, выскочил в дверной проём с бутылкой в руке.

– Помогит-я-я-я! – всё визжала старуха, – Насилуют!

– Ученье – это свет и добро, а вот наука – это, несомненно, зло, которое учит человека, быть якобы выше самого Бога, – держа в руке бокал, молвил Писатель, – а этого нельзя делать. Нельзя идти против заповедей божьих.

– А разве в заповедях есть запрет на генную науку или скрещивания видов? – поинтересовался Доктор, смотря косыми от природы и алкоголя глазами на своего друга. – Разве там есть строка «Не сотвори Подобного себе?» Ну, или что-то в этом роде? Я лично не знаю о такой заповеди.

– Конечно есть, наимилейший, конечно, есть. И если вы не можете её прочесть или понять, совсем не значит, что её нет. Вот, посмотрите сюда, – Писатель Косяев показал свои белоснежные чистые ботинки, так что его собеседнику стало стыдно за свои дырявые колоши, на которых налипло и уже застыло чьё-то дерьмо. – И что, спросите вы? Что я должен здесь увидеть? А я поясню вам отрывком из моего стихотворения. «Над синим небом Ангелы и Боги, а под моими чистыми ботинками, мои грязные вонючие ноги».

Доктор Гена уставился в стол, смотря в одну точку, и переваривал очередную литературную порцию своего единственного друга.

– И что это значит?

– То и значит, дружище, – отпил Писатель из изящного дорогостоящего бокала гадкий отвратительный самогон. – Мы не видим, что творится на самом деле. Зачастую мы видим лишь то, что хотим видеть, сами отвергая иные варианты. Удобнее прикрыть грязные вонючие ноги чистыми батниками и с умным хлебалом учить всех чистоте. И каждый считает, что он всё делает правильно. Лишь я знаю, как будет лучше для всех, но на деле ты всего лишь прикрываешься чистыми ботинками, потому что тебе лень поднять жопу и помыть ноги. Ты придумашь себе тысячи причин, почему ты до сих пор этого не сделал. И каждая причина будет лишь самообманом. А если ты обманул остальных, не стоит думать, что ты умнее всех. Нет, ты просто лжец, который живёт в своём огромном, императорском мире по своим законам и по своему уголовному кодексу! Но на этой огромной самобытной территории ты всегда будешь один. И не стоит доказывать ничего и никому, этим ты лишь выставишь себя дураком, посмешищем, и будешь выглядеть нелепым и глупым в чужих глазах.

Задумчивая пауза слилась с монотонным стуком дождя, и казалось, что даже тупоголовые куры и те остановились призадумались и тоже ничего не поняли.

– Немного отклонился от вопроса, но смысл я уловил – доктор протёр очки и мелкими отвратными глотками выпил содержимое стакана. – За Науку!

– За Веру и Отчизну! – продолжил тост писатель, одним глотком осушив бокал.

– Дурак ты, Косяев, – мягко укорил друга Доктор, закусывая зелёным луком – Какая вера? Во что? Какой Бог, если космос уже почти исследован! Нет там никаких ангелов и никаких демонов. Они там, в открытом космосе, не летают! Нет их там и быть не может! Так же как и жизни на других планетах! – учёный атеист слетел со своих катушек Тесла и перешёл на крик. – Нет там ни черта! Нет там Рая и Ада

тоже нет! Всё здесь на земле происходит! Тут и Рай, и Ад! И Дьявол есть в каждом из нас, в каждом городе в каждой деревни. У нас тоже своя Сатана, и звать его Дед Прохор!

Писатель Косяев смотрел в сторону чистого поля, где вдалеке одиноко стояла давным-давно осквернённая церквушка.

– И именно отец этой Сатаны в 1923 году вместе с другими отморозками разграбили половину этого храма, сорвали кресты и утопили вместе с колоколом барскую лошадь и самого барина. Чем тебе не черти. Чем тебе не Ад?

Писатель молчал, но не потому, что не было чем ответить. Просто порой каждому человеку нужно выговориться и выплеснуть всю грязь, чтобы на душе почище, да поспокойней стало. Кто если не друг должен всё это выслушать и не вьебать в лицо пьяному атеисту.

– Именно поэтому, – продолжил «Профессор Кислых Щей» спокойным тоном, – я от лица науки и прогресса заявляю Вам, что мы одни во вселенной, как бы грустно это не звучало. И пусть у меня хоть оленья волосатая вагина на лбу вырастет, но другой жизни во Вселенной нет, и точка!!!

На неизмеримой глубине Бездонного болота, на самом его наиболотистом, наи-вонючийшем дне, лежал, потеряв весь запас всевозможной энергии, межгалактический космолёт. В нем залётные представители других внеземных цивилизаций, метались из угла в угол, явно обеспокоенные происходящим!

Многофункциональный компьютерный стан с операционной системой «Все-Знайка» устанавливал новые обновления. Это приложение позволяло гуманоидам разговаривать на языке Землян, для удобства сбора информации и общения при встрече с аборигенами.

– Вернулся разведчик Жужа, – сообщил компьютер, – телепорт закрывается.

В главный корпус звездолёта влетело непонятное валлообразное создание с огромными глупыми глазами и маленькими причудливыми крылышками. Облетая преграды, он приблизился к капитану корабля и завис в воздухе, словно бройлерный колибри, немного раскачиваясь из стороны в сторону.

– Падение прошло как никогда тихо и удачно, – начал он, – Мы не наделали практически никакого шума, поэтому и не привлекли никакого внимания. Экипаж в количестве 50 голов цел и невредим, все отделались лёгким испугом и ссадинами. Зона нашей видимости – ноль. Планета на 70% пригодна для нашего существования, местная дыхательная флора на 90% сродни с нашей. В сравнении с прошлым разом мы совсем неплохо, скорей, даже удачно упали. Как починимся и приведём в порядок программы, можно будет улетать.

Капитан корабля повернулся к разведчику, потирая свои влажные пальцы: «Нет. Никуда мы отсюда не полетим».

Прохор убежал по лесу от участка сквозь хлестающие по роже ветки, на ходу бухая из бутылки честно заработанный самогон. Это придавало ему силы, скорости и оптимизма. А вот дохленький Адуванчик уже выбился из сил и остановился, смотря как пятки преступника сверкают в сторону кладбища.

Лес был густым и плотным, именно поэтому туда попадало так мало вечернего света. Участковый пробирался сквозь обвалившиеся могилы и повалившиеся гнилые кресты.

– Дядя Прохор, выходите! А то хуже будет!

Но Прохор не отзывался. Он сидел за деревом и не знал, что теперь делать. Бежать было некуда, впереди болото. Утонуть в такой прекрасный вечер желания не было. Но дотошный блюститель закона не оставит его в покое. Теперь к расстрелянным баранам добавилась статья об изнасиловании. И попробуй докажи этому божьему одуванчику, что бабка сама свою пещеру раздвинула. Нет, этот не поверит. Нет, этот девственник не поймёт. Выхода не было, придётся выйти и надеяться на лучшее. А что ему будет, старому дуралею. Ну и чего он сделает? Пойду, чего как крыса прятаться?

Так он и поступил. Вышел и начал дружественно махать руками вопреки алкогольным демонам, которые неистово орали в левое ухо – Русские не сдаются! Ты что делаешь, сучий потрох? Вспомни кто твой отец! Не позорь его имя! Борись! Отмудохай мента до потери сознания! Выбей из него всё дерьмо и всю память! Расстреляй из пулемёта и поруби на куски! Сожри его, сучий Прохор! Сожри с погонами этого сосунка!

Участковый миловидно улыбнулся и, неторопливо подойдя, аккуратно защёлкнул на руках наручники.

– Вот и молодец, правильно сделал, – спокойно произнёс светловолосый голубоглазый участковый, прикручивая наручники толстой сальной проволокой к могильной оградке. Плотно, надёжно прикрутил, прям не убежишь.

– А чего это ты делаешь? – недоверчиво спросил добровольно пойманный беглец. – Веди меня домой. Зачем ты?

– Затем, чтобы былые времена вспомнить.

– Это какие такие былые? Ты чего удумал, милок?

Адуванчиков расшнуровал ботинок и достал чёрный длинный шнурок. Намотал на руки и принялся душить беспомощного прикованного деда. Прохор, выпучив глаза, уже начал синеть, глотая как рыба воздух трясущимися губами, как вдруг хватка ослабла.

– Что, сучара? – прошипел участковый, словно змей. — нравится?

– Нет, – честно признался дед, не зная, что и сказать, что и подумать.

– И никому не нравилось. Думаешь, тем было хорошо? Нет. Зато мне это нравится. И ничего сделать с собой не могу.

Прохор поднял голову и посмотрел ему в глаза, – Так это был ты?

Грузовая фура ехала аккуратно, стараясь не трясти пассажиров. Григорий Адольфович играл с дорожной блудницей в карты на раздевание. Вика сидела практически голая, безуспешно прикрывая свои огромные буфера пятого размера одной рукой. А Григорий за это время снял лишь фуражку и то, потому что жарко было.

– Вы хорошо играете, – улыбнулась она белоснежной улыбкой. – Где вы так научились?

– На зоне – коротко ответил предприниматель – а ваще я с детства играю. А ты как давно занимаешься проституцией?

Вика покраснела от резкого поворота диалога.

– Да ладно, не стесняйся, я ж понимаю, судьбы у всех разные, не осуждаю, уж поверь, не мне людей судить. Дорога длинная, спешить некуда. Хочешь- оденься, хочешь – выпей.

Девушка накинула блузку и налила в бокалы дорогой ароматный коньяк. Они выпили, и у девушки развязался язык.

– Зовут меня если что Викой. Ну около шести лет я в профессии путешествую по всей стране, где только не была. Здесь, на трассе, не безопасно, зато никогда не бывает скучно. Работаю сама на себя. Пока вроде всё устраивает. Клиенты в основном адекватные попадают.

– Слышь, – перебил её Адольфович. – Хорош мне в уши вкручивать. От хорошей жизни на трассу не идут. Говори как есть.

– Ну хорошо, – дорожная бабочка поменялась в лице. – Мир говно, все люди твари, которые хотят лишь жрать, трахаться и унижать других.

– Вот, теперь верю, – закурив сигарету и откинувшись на кресло кивнул Адольфович. – Продолжай.

– Вы только не подумайте, я тоже не святая...

– И в мыслях не было.

– Я не это имела в виду. Погорячилась просто, мне нужно отдохнуть. Взять отпуск так сказать. За свой счёт, – улыбнулась Вика. – Не знаю, зачем всё это вам говорю? Наверно просто давно не с кем вот так не разговаривала. Хочется осесть где-нибудь на время и пожить обычной, скучной жизнью. Деньги на первое время есть.

– Здравая идея, – похвалил её Адольфович, протягивая сигарету и зажигалку. – Ты молодая, ещё не поздно с чистого-мать-его-листа начать.

– Я не всегда была такая, – продолжила Вика. – Я была счастливым, весёлым ребёнком, прилежная, стеснительная девочка, послушная и беспечная. Но жизнь жестока. После смерти матери мы с отцом остались одни. Надо же, получилось! Отец, папа, папуля... ещё пару лет назад у меня язык не поворачивался сказать это слово. Хоть про родителей так не говорят, но он у меня редкостная мразота.

Адольфович сменил позу.

– Пару раз он сидел за изнасилование, а также сидел на игле. Под кайфом он лез даже ко мне... под юбку. После смерти матери было решено отдать меня в детский дом. Узнав об этом, его чердак съехал окончательно. Так как сроки поджимали, он начал трахать меня каждый день. Эта похотливая, вечно пьяная, обколотая мразь, вытворяла со мной всё, что ему приходило в голову. Даже сейчас, спустя шесть лет, я помню всё, что он делал со мной, и никак не могу понять, как всё это могло придти в голову человеку, которого я когда-то называла «папой».

Я мечтала лишь об одном, скорей попасть в дет дом. Но органы опеки почему-то не спешили меня забирать. Поэтому я сбежала из дома и никогда больше туда не возвращалась. В страхе, что он меня найдёт, я катаюсь с дальнобойщиками и нигде не задерживаюсь надолго.

Адольфович уставился в одну точку.

– Фамилия его как?

– Зачем... я не понимаю...

– Фамилия, блядь, как его! – заорал он, ударив кулаком по складному столику, который тут же сложился в обратную сторону.

Девушка в страхе отпрянула назад, но Адольфович уже схватил Вику за горло и прижал к стене. Та вырывалась и не понимая что происходит, пыталась схватить ртом воздух.

Но вдруг медвежья хватка ослабла. Девушка издала гортанный хрип и жадно задышала.

– Всё равно бы по хорошему не дала – в руках Адольфович держал её паспорт, в котором он прочитал её имя, фамилию и дату рождения. – На держи. Не обессуть... по-другому бы не получилось. А вы все проститутки с собой паспорт носите?

Участковый ехидно улыбнулся и зажал рот деду левой рукой. Правая скользнула в кобуру и достала пистолет. Холодный ствол упёрся в лоб, а палец задрожал на спусковом крючке. Старик задёргал ногами и завыл от отчаянья и безысходности.

– Как же я скучал по этим звукам, – наслаждаясь, просмаковал маньяк. – Как же давно хотел помучить какую-нибудь тварь. Восемь лет. Восемь долгих лет, я как оголодавшая крыса сидел в своей норе возле сыра, избегая все возможные уловки! Восемь лет не клевал ни на один крючок, ни на одну наживку, но сегодня я поддамся искушению! Сегодня я оторвусь! Оторвусь сполна, по полной! Вот же рыбка мне досталась! Сам подумай, Прохор, кто будет искать такую жалкую шкуру как ты? Кто вообще заметит твою пропажу?! Да никто! И оплакивать тебя никто не будет. Пропал, убежал, да и чёрт с ним. Да все перекрестятся десять раз! Сдох, наверное, где-то, как собака подзаборная, и в рот его... и не таких великих людей теряли.

Прохор неоднозначно смотрел на божьего одуванчика.

– Все мне потом ещё спасибо скажут. Спасибо за то, что освободил души убитых мною от бессмысленной, никем ни ценимой жизни. Зачем вы живёте? Для кого? Рождены были для чего? От оленя родится благородный оленёнок, а от свиньи в говне опоросится грязный поросёнок. Это про нас, старик! Да-да, именно про нас! Ведь я не выделяю себя из этого свиного стада. Я такой же ублюдок, как и вы. Ничуть не лучше, но и ничуть не хуже. Всем надо понимать своё место в мире. Знай и ты своё место, отравя.

После этих слов оборотень в погонах накинул тот же длинный шнурок на шею Прохора и, сжав с нечеловеческой силой, принялся тянуть его на себя, словно непослушного пса. Бедный хрипящий старик вытянулся как червяк, привязанный с одной стороны к дереву, а с другой к лошади. Ему казалось, что шея и руки оторвутся в одночасье, отделившись от тела.

– Ух! – воскликнул Адуванчик, прекратив издевательства и сядя рядом, – крепкий ты зараза! Молодого уморишь. Утомил ты меня, отец... да никакой ты мне не отец, гнида ты ходячая. Ты сущее зло, апокалипсис ебучий, таких как ты надо в стадии зарождения уничтожать. Эх, нечего тебя и жалеть. Что с тебя взять. Сын аморала и безбожника.

Прохор одобрительно покивал, склонив голову.

– Ну, дядя Прохор, ну скажи, что это не так? Ну, скажи что-нибудь в своё оправдание! Скажи, почему стоит сохранить твою жизнь? Назови хоть одну малейшую причину, и я отпущу тебя. Отпущу на все твои непутёвые четыре стороны.

Прохор молчал.

Именно поэтому он принялся избивать и душить, терзать и пытать, словно полчище бесов в него подселили. Это уже был не тот добропорядочный участковый, это был обезумевший садист и конченный отморозок.

Инопланетные гости встали в круг и что-то бурно обсуждали. Вообще они были очень забавные. Большие выпученные чёрные глаза на лампообразной голове, зеленовато – серая, вечно влажная кожа. В общем типичные гуманоиды, как две капли воды похожие друг на друга. Кто знает, может из одного инкубатора вылезли? А может из одной и той же космической (извиняюсь) пизды.

Но всё же, если присмотреться поближе, можно увидеть еле заметные рисунки на их лицах. Как отпечаток пальца. На первый взгляд один и тот же, а вот и нет, у всех разный. У всех свой. Что не скажешь про одежду. Спецовка явно была пошита на одной фабрике, из непонятного нам материала. Цвет ни чёрный, ни коричневый, ни карманов, ни пуговиц. Капитан отличался лишь невзрачным значком на правой груди.

Конечно, были и приобретённые знаки отличия. Шрамы, морщины, чёрные родинки и тому подобное.

Единственный, кто отличался от остальных, двухметровый гориллоподобный исполин по имени Разрыватус. Он был явно не их расы и обладал явно меньшим количеством мозгов. Но его мощь и свирепость делала его отличным телохранителем. Он был личным охранником капитана и пользовался большим уважением среди задохлых гуманоидов.

– Нет, мы никуда отсюда не полетим, – повторил капитан. – Я слышал про эту планету много историй, и все они говорят лишь о том, какие глупые и безответственные её обитатели. Говорят, они миллионами истребляют себе подобных, вырезая целые города и страны. Они сознательно уничтожают свою планету и никогда не думают о последствиях. Они просто ещё одна низменная раса, которая исчезнет с лица Галактики, как тысячи других цивилизаций, которые выбрали путь материального блага и технического прогресса.

– Простите, капитан, – перебил его кто-то из толпы, – но сейчас у нас есть всеобщая проблема, которая требует немедленного решения.

– Что случилось? Запасы провизии подходят к концу?

– Нет, сэр, всё намного хуже! Очистная система урбанизации вновь слетела с очистных программ. Проще говоря, поспать сходить некуда. Нам придётся подняться на поверхность и сделать это, мы и так уже весь корабль засрали, в прямом смысле этого слова. А там полно места чтобы облегчиться на славу и вернуть экипажу радость и уважение к самим себе.

Витя ТЭ-40 коптил на своём ржавом тракторе к бабке Клаше окольными объездными путями. Ехать по прямой было равносильно самоубийству. Огромная пятиметровая косилка болталась из стороны в сторону, швыряя трактор по всей дороге.

Избушка самогонной царицы показалась на горизонте. Дальше ехать совсем никак. Колёса трактора уже намотали тонны чернозёма, а угретый мотор накалился до красна. Придется идти пешком. Тракторист спрыгнул с заглушённого аппарата, словно с белого коня и, поправив густую шевелюру, почапал вперёд. Подходя, он заметил две пары следов, ведущие в лес.

Заскочив на порог и отбивая налипшую грязь с подошвы, он постучал в дверь. Подождал. Подождал ещё немного. Но никто не открывал. Он постучал ещё громче, а затем толкнул дверь, и та с грохотом упала на пол, подняв вверх облако пыли. От такого грохота задрожали окна и обосрались мыши на чердаке. А старая бабушка лёгкого поведения храпела, раскинув свои коротенькие, волосатые ножки в разные

стороны. Зрелище, конечно, не из приятных, зато смекалистый мозг быстро нашёл свои плюсы. Незванный гость подошёл ближе и склонился над телом. Задумался. Глубоко вздохнул и аккуратно обеими руками перевернул старую мумию на живот.

Бинго! Ключ от шкафчика, где хранился самогон, лежал под ней.

– Вот это куш! Вот это фортуна! Видимо кто-то здорово отодрал эту загулявшую собаку, раз она вырубилась беспробудным сном. Витя, светясь от счастья, подошёл к заветному шкафчику. Вставил ключ, повернул и отворил дверцы.

Заиграла сказочно красивая музыка. Свет из шкафчика озарил серое помещение своими яркими цветами. Будто солнечными лучами переливались полулитровые стеклянные бутылки, среди которых возвышалась величественная трёхлитровая банка с плотной капроновой крышкой.

– Теперь это всё твоё, – пели сладкоголосые нимфы ему на ухо. – Бери всё и уходи! Грузи всё в трактор и беги! Это тебе награда за все сексуальные унижения. Вспомни, как за сто грамм приходилось выполнять большие фантазии этой чокнутой нимфоманки. Залей глотку и забудь про всё! Залей и забудь!

Но Витя был не из тех людей. Не любил он воровство и считал это дело постыдным. Не мог от так вот просто присвоить чужое добро и с наглой рожей унести все запасы восвояси. Унести не мог. А вот выпить сколько влезет – дело другое.

– Воровать не буду, но тут, не выходя из хаты, зальюсь так, что через края польётся!

Пошарив глазами по неубранной избе, он быстро нашёл стакан и огромный семенной огурец, который обильно посыпал крупнозерновой грязной солью.

Спустя пятнадцать минут Витя так налкался халявным самогом, что в него больше ни лезло ни стакана. Он был переполнен под завязку, словно запрошенный тракторный бак, словно весенняя речка, выходящая из берегов.

– Пора ехать на работу, меня там ждут. Я нужен там! – вытирая слёзы и прихватив пару пузырей, прошептал он, приложив указательный палец к губам.

Передвигая строго по стеночке, он оставил свиные ноги в знак благодарности за тёплый приём. А проходя мимо кровати он со всего маху отвесил пендаль лежащей и храпящей хозяйке за старые обиды и бросился в дверь, сшибая всё на своём пути. Кастрюли и тарелки загремели, зазвенели мерзкими противными колокольчиками, и лежащая-храпящая в страхе открыла глаза.

Солнце медленно садилось за далёким горизонтом. Обессиленный от пыток, Прохор готовился отправиться в мир иной.

– Вот и пришло моё время – склонил голову старик, смотря как дождевые черви, чудовищно медленно ползут по своим важным, неотложным делам. Даже черви поднялись на поверхность посмотреть на мою кончину. Заслужил, не спорю. Много горя я людям принёс сам того не замечая.

Участковый-маньяк сходил домой за лопатой и вернувшись, принялся рыть яму в дальнем углу кладбища. Ночь опустилась незаметно. Но полная луна засветила сквозь деревья мощным прожектором. Прохор покорно ждал своей неминуемой участи и уже не пытался освободиться, да и сил совсем не осталось.

– А чего рыпаться? – подумал старик, – может и правильно этот маньяк делает, что всякую шваль уничтожает. Кто-то ведь должен этим заниматься, раз закону дела никакого до нас нет. Чего греха таить, после того как Адуваныч вырезал пол села и впрямь стало легче и спокойней жить. Он же не трогал старух и более-менее спо-

койных, он порешал лишь всех буйных и неугомонных. Тех, кто по-хорошему не понимает. Вот и моя очередь пришла. Как говорит Косяев: «Когда не останется плохих, их выберут из не очень хороших»...

Яма была готова, и Адуванчиков направился за Прохором, чтобы зарыть его живьём без суда и следствия. Но вдруг откуда ни возьмись послышались непонятные звуки. Такое он слышал впервые, они были похожи на что-то знакомое, но в то же время не были похожи ни на что. Участковый, позабыв про деда, пошёл посмотреть, что там, достав из кобуры заряженный пистолет. Полная яркая луна освещала болото ярким мёртвым светом. Безветренно так, тихо.

Но что-то тут было не так. Странные звуки, шелест сухой травы и хруст веток насторожил маньяка, которому совсем не нужны были живые свидетели.

Там, в высоких-высоких камышах, что-то было. Что-то двигалось и издавало непонятные звуки. Но не одно! Всё поле, заросшее болотной травой, шевелилось явно не от ветра.

Участковый застыл в изумлении, ибо увидел в зарослях неподалёку неизвестное непонятное нечто, которое было похоже на... на жопу! На большую отвратительную жопу, которая бессовестно справляла нужду, издавая пердящие, теперь уже понятные звуки.

– Шухе-е-е-р! – завопил голос из травы. – Шухер!!! Нас обнаружили!

В ту же секунду, из высоких камышей высунулись лысые головы инопланетных засранцев и уставились чёрными глазами на местного представителя этой планеты.

– Не дайте ему уйти!!! – проревел обезьяноподобный пришелец Разрыватус. – Убейте его, нам не нужны свидетели!

Недолго думая гуманоиды схватили палки, что попались под руку, и бросились в сторону Адуванчика.

– Что за нахер!? – опалел участковый, отступая назад и дёргаясь всем телом от неожиданного поворота событий.

Разъярённая толпа приближалась и Адуван смекнув, что к чему, сломя голову пустился бежать с этого проклятого места. На бегу он достал пистолет и начал палить.

Прохор пришёл в себя от пистолетных выстрелов и в недоумении смотрел, как этот психопат в панике убегает от кого-то, отстреливаясь на ходу.

– Ух блядь! – опешил дед, увидев, как толпа жутких чудовищ в лунном свете преследует его мучителя. И это была уже не белая горячка, а самая что ни на есть реальность. Такая жуть! Ведро адреналина хлынуло в тело старика, так что тот, забыв про боль, что есть мочи рванул вперёд.

Участковый бежал как мог, но всё же слышал, что они его настигают. И вот он боковым зрением видит, как чёрная фигура догоняет и почему-то обгоняет его. Твою ж грёбаную медь, это Прохор! Старый, зассатый, измученный пытками старик с оторванной загородкой в руках, обгонял его.

– Не дайте им уйти! Никто не должен узнать о нас! – ревел Разрыватус, бежавший впереди толпы.

Прохор бежал как сайгак, перескакивая через все препятствия, а вот Одуванчик сдулся и со всего маху шлёпнулся в лужу. В ту же секунду на него обрушилась вся мощь Разрыватуса. Он прыгнул на позвоночник участкового и сломал его

сразу в нескольких местах. В добавок ко всему, подоспевшее гуманоидное подкрепление принялось ебошить его своими палками – выручалками, превращая его тело в живую, орущую, отбивную котлету.

– Так тебе и надо, – обернувшись назад, подумал дед, не сбавляя скорости. – Так тебе и надо!

Прохор задыхался и буквально валился с ног, но он видел, что будет с ним если его догонят. Увлечённые избиением Одуванчика, они заметно отстали и может даже потеряли след. Добежав до свинофермы, он разрыл в стоге сена свой пулемёт и накинув на себя патронную ленту покати́л его на выгодную позицию.

– Одному тут не справиться. Нужна подмога.

Тимошка и Шарик, налакавшись самогона, мирно спали на рабочем месте, не дождавшись Т40, который уехал в Самогонное царство, но по сей час не вернулся.

Проснувшись, они разлили по последнему писярику, и уже собрались расходиться по домам, как вдруг! Дверь подсобки с грохотом отвари́лась. Из ночного мрака показалось огромное дуло пулёмёта. В след за ним, вместе с махорочным дымом, ввалился Прохор, обвешанный пулемётной лентой и с могильной загородкой под мышкой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.